

И. С. Федосеев
со студентами-музыковедами.
Павловск. 6 июня 2011 года

с нашим курсом началась с того, что Иван Сергеевич увел нас от главного входа в парк, чтобы войти откуда-то с тыла, через заросли деревьев и кустов, потому что «настоящий исследователь никогда не проходит на поле исследования парадными воротами». И там, идя с нами по дорогам «неклассического», «неэкскурсионного» маршрута, Иван Сергеевич с удовольствием рассказы-

вал нам о каждом павильоне, скульптуре и даже дереве или скамейке, поскольку знал там досконально каждый уголок...

Светлая память учителю и выдающемуся музыкальному деятелю, человеку большой души, к которому применимы его же собственные сказанные о Генделе слова: «высокая этика настоящего искусства».

Anna BULYCHEVA Recalling the first year of study

Recollections about the Professor of the St. Petersburg Conservatory Ivan Fedoseev and his lectures on foreign music history, that he delivered before the first year students specializing in musicology for many years.

Keywords: I. S. Fedoseev, Leningrad (St. Petersburg) Conservatory, history of foreign music, lecture, seminar.

Анна БУЛЫЧЕВА Воспоминания о первом курсе

Воспоминания о профессоре Санкт-Петербургской консерватории Иване Сергеевиче Федосееве и о лекциях по истории зарубежной музыки, которые он читал на протяжении многих лет музыковедам первого курса.

Ключевые слова: И. С. Федосеев, Ленинградская (Санкт-Петербургская) консерватория, история зарубежной музыки, лекция, семинар.

К Ивану Сергеевичу Федосееву мы пришли на первую лекцию по истории зарубежной музыки в сентябре 1988 года — разношерстная группа, все с разной подго-

товкой и разными интересами. Объединяла нас радость, что поступили в старейшую консерваторию страны. Сегодня никого не удивишь тем, что старинная музыка,

которую проходят на I курсе, — это увлекательно. Распространение аутентичного исполнительства и настоящий бум цифровых записей (а затем и доступных нот), которые уже вскоре нас настигли, сделали старинную музыку актуальнее современной. Сегодня «нашествие» старины все еще продолжается, и уверенность, что Монтеверди, Бах и Моцарт — наши современники, пока что не покидает. Но к осени 1988 года еще не завершились времена заезженного винила и «вечного», из довоенных лет, учебника Т. Н. Ливановой. Так что увлекательность старинной музыки была не вполне очевидной, а ниша этой музыки — скорее скромной.

У Ивана Сергеевича в арсенале имелся мощный педагогический прием — проведение семинаров. Сколько-нибудь похожих семинаров я потом нигде и никогда не встречала. Каждую тему готовили двое — докладчик и оппонент, и в назначенный день на паре разворачивались баталии. Что было тому причиной — энтузиазм первокурсников или катившийся по стране 1988 год? Думаю, все-таки энтузиазм, умело направляемый профессором. С тех пор нелегко слушать оппонентов (вне зависимости от их возраста и академического статуса), которые не критически пересказывают рецензируемую работу, не ставя вопросов к тексту. Нас учили иначе.

У нашей группы был дополнительный стимул готовиться к семинарам. Лучшему докладчику был обещан приз — партитура Мессы И. С. Баха, пожертвованная для этой цели Иваном Сергеевичем. Победителя выбирала вся группа открытым голосованием. Мне очень хотелось выиграть, но не удалось.

Что Иван Сергеевич — в душе артист, мы узнали довольно быстро. В нашей музыковедческой группе учился (пока на четвертом году обучения окончательно не перешел в органисты) капеллан Александр Бабошкин. Соответственно, на младших курсах мы постоянно общались с его друзьями, дирижерами-хоровиками Сергеем Плешаком и Андреем Шевчуком. Тогда вроде бы ничто не предвещало, что Сергей станет композитором. Зато буквально весь город знал его отца — Виктора Васильевича Плешака. Нельзя было его не знать благодаря песне «А стадион шумит», написанной, когда в далеком 1984 году команда «Зенит» стала чемпионом СССР. В доме, где возрастала композиторская династия, весь наш курс под предводительством Ивана Сергеевича однажды играл в шарады. Наибольшее удовольствие от игры, кажется, получал профессор. Естественно, ведь

педагогика требует артистизма. Все произнесенное ровным тоном, без актерской интонации гарантированно пролетает мимо студенческих ушей. Иван Сергеевич читал лекции с чувством и с расстановкой, и вдобавок к этому занимался деятельностью, к которой профессора академических дисциплин редко обращаются, — выступал со вступительными словами к концертам.

Как истинный хоровик и капеллан Иван Сергеевич на первое место в нашей музыковедческой профессии ставил знание музыки и, конечно, не забывал обращать внимание на вокальные партии и певческие голоса. И это было справедливо, поскольку из всех выразительных средств быстрее всего (и притом — на подсознательном уровне) воздействует именно тембр. Однако эмпирическими материями обучение далеко не ограничивалось. Поскольку Иван Сергеевич занимался творчеством Генделя и продолжал заниматься им всегда, он иногда делился с нами некоторыми деталями: как заказывал книги из Германии, как приходилось читать «слепые» микрофильмы — тяжело, но ничего не поделаешь. Это говорилось между делом. Мораль (обязательно нужно читать литературу на языках и, соответственно, учить языки) присутствовала в подтексте, но без всякого пафоса, без нажима на неокрепшее сознание первокурсников.

На защите моей кандидатской диссертации об операх Жана-Батиста Люлли Иван Сергеевич был официальным оппонентом. Подробное обсуждение диссертации тоже было уроком (в частности, как составлять отзывы) — и тоже неявным, осознанным позднее. Благодаря Ивану Сергеевичу появился у меня и небольшой опыт чтения вузовских лекций: конечно же, о музыке барокко и, конечно же, на дирижерско-хоровом факультете.

С тех пор, как мы пришли на первый курс, объем информации о старинной, особенно барочной, музыке только и делал, что рос, как снежный ком, и продолжает расти. Областей, которые никогда не входили в учебные курсы, еще немало. Первый год изучения истории музыки — лишь отправная точка в постижении необъятного мира музыкального барокко. Общение с Иваном Сергеевичем Федосеевым настраивало на дальнейшее постижение этого мира, давая прививку против не критического восприятия потока информации. Сейчас его семинары на первом курсе вспоминаются с ностальгией: прошло уже много лет, а повторить этот опыт пока не удастся...